

Плоды просвещения: общенаучная среда формирования экономики как науки*

Ананьин Олег Игоревич – кандидат экономических наук, заслуженный профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, д. 11; Ведущий научный сотрудник. Институт экономики РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский просп., д. 32; e-mail: ananin@hse.ru

Экономика как наука возникла в эпоху Просвещения, однако влияние специфической общенаучной среды этой эпохи на трансформацию донаучного экономического знания в научное не получило в историографии экономической мысли адекватного освещения. Становление экономической науки происходило в период научной революции XVII–XVIII вв. Это были два взаимосвязанных, но различных процесса. Трансформация экономического знания отразила прежде всего кардинальные изменения в самой экономике – формирование экономики рыночного типа. Вместе с тем появление в структуре научного знания новой дисциплины не могло не ориентироваться на сложившиеся стандарты научности. Однако в период научной революции научная среда пребывала в турбулентном состоянии: прежние – средневековые – нормы учености утрачивали легитимность, а новые идеалы научности еще не обрели статус общепринятого стандарта. Научные программы, связанные с именами Бэкона, Декарта, Лейбница и Ньютона, как и новые социально-философские доктрины, играли разную роль в разных странах и на различных этапах научной революции. В статье анализируются особенности интеллектуальной среды, в которой формировалось научное экономическое знание, показано, что она была гораздо более разнообразной, чем предполагают как стандартные версии истории экономической мысли, так и ранее предпринимавшиеся попытки (М. Фуко, Ф. Мировски) выявить влияние общенаучных идеалов на ее первые научные школы. Тем самым создаются предпосылки для формирования альтернативной картины возникновения экономической науки как результата соперничества различных ее концепций.

Ключевые слова: история экономической мысли, экономическая наука, научная революция XVII–XVIII вв., бэконизм, картезианство, лейбницианство, ньютонианство, Лондонское королевское общество

* Статья основана на тексте доклада «Генезис экономической науки: историко-научный контекст», представленного на Международном научном семинаре «Теоретическая экономика» ИЭ РАН и НЭА 16 декабря 2021 г. и размещенного в виде препринта на сайте Института экономики РАН https://www.inecon.org/docs/2021/Ananin_paper_2021.pdf). Ранняя версия статьи обсуждалась в 2015 г. в Институте философии РАН на теоретическом семинаре «Проблемы рациональной философии». Автор признателен участникам обсуждения, в особенности проф. [Б.Г. Юдину](#), проф. И.Т. Касавину и к.ф.н. А.А. Аргамаковой, за ценные замечания и рекомендации, побудившие к более глубокой проработке важных аспектов темы.

FRUITS OF THE ENLIGHTENMENT: GENERAL SCIENTIFIC ENVIRONMENT FOR THE FORMATION OF ECONOMICS AS A SCIENCE

Oleg I. Ananyin –
CSc in Economics,
Distinguished Professor.
HSE University,
11 Pokrovskiy Boulevard,
Moscow 109028,
Russian Federation.
Leading Researcher.
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovskiy Av., Moscow
117218, Russian Federation;
e-mail: ananyin@hse.ru

Economics as a science emerged during the Enlightenment, but the impact of the specific general scientific environment of that era on the transformation of pre-scientific economic knowledge into scientific knowledge has not been adequately covered in the historiography of economic thought. The formation of economic science took place in the period of the scientific revolution of the XVIIth and XVIIIth centuries. These were two interrelated but different processes. First of all, the transformation of economic knowledge followed fundamental changes in the economy itself – the formation of a market-type economy. At the same time, the emergence of a new discipline in the structure of scientific knowledge could not help but be guided by established standards of scholarship. However, at the time of the scientific revolution, science was in a state of turbulence: the old medieval norms of scholarship were losing their legitimacy, and the new ideals of scholarship had not yet attained the status of an accepted standard. The scientific programs associated with the names of Bacon, Descartes, Leibniz and Newton, as well as the new socio-philosophical doctrines, played different roles in different countries and at different stages of the scientific revolution. The article analyzes the peculiarities of the intellectual environment, in which scientific economic knowledge was shaped, and shows that it was much more diverse than the standard versions of the history of economic thought and earlier attempts (M. Foucault, F. Mirowski) to identify the influence of scientific ideals on its first schools of science suggest. Thus, the prerequisites for the formation of an alternative picture of the emergence of economic science as a result of the rivalry between its various concepts are created.

Keywords: history of economic thought, economic science, scientific revolution of the XVII–XVIIIth centuries, Baconianism, Cartesianism, Leibnizianism, Newtonianism, Royal Society

Трансформация донучного экономического знания в научное и сегодня ассоциируется прежде всего с именем Адама Смита, реже – с физиократами или Уильямом Петти. Всех этих авторов объединяет ограниченный географический ареал – Великобритания и Франция, и относительно короткий отрезок времени: от второй половины XVII в. до последней трети XVIII в. До этого экономические концепции не претендовали на статус отдельной науки, а после публикации *Богатства народов* существование науки политической экономии стало фактом, редко подвергавшимся сомнению. Разночтения же связаны не столько с фактами, сколько с критериями, которые призваны

засвидетельствовать рождение новой науки. На эту роль могли претендовать и новая фундаментальная идея, и публикация важной книги, и учреждение специальной кафедры, что во многом зависит от того, как понимается наука. Между тем XVII в. был эпохой революций: в политике, экономике, науке. Экономическая мысль обретала свое новое качество в то время, когда переосмыслению подвергалось само понятие науки.

Экономика: трансформация объекта знания

XVII и XVIII вв. – это период экономического и политического подъема западно-европейских морских держав: Франции, Нидерландов и, конечно, Англии, в особенности после Унии с Шотландией в 1707 г., положившей начало королевству Великобритания. Ключевым фактором мирового лидерства этих стран была торговля. По оценкам историков, в XVI–XVIII вв. рост объема мировой торговли в три раза опережал рост общественного продукта [Мэдисон, 2012, с. 131]. В конце XVII в. в Англии буржуазные и мелкобуржуазные слои составляли уже около половины всего населения [Аллен, 2014, с. 80].

В результате параллельно с традиционным аграрным сектором, все еще преобладавшим повсюду, кроме Нидерландов, вырос новый крупный и уже влиятельный коммерческий сектор – торговля, транспорт, ремесло, финансы. Это были два разных общественных уклада: первый по-прежнему строился преимущественно на принципах натурального хозяйства; во втором тон задавали, по выражению Фернана Броделя, «игры обмена». Здесь правили законы рынка, правда, не того, что описаны в современных вводных учебниках по экономике. Важнейшие рынки были монополизированными, многие – сращены с государством, внешняя торговля была тесно переплетена с военно-морским флотом и внешней политикой.

Хотя каждый уклад жил своей жизнью, между ними было и взаимодействие, в ходе которого новый уклад одержал победу. В конце XVIII в. Адам Смит уже мог написать, что:

...революция величайшей важности... была совершена двумя различными классами людей, которые не имели ни малейшего намерения служить обществу. Удовлетворение самого смешного тщеславия – таков был единственный мотив крупных землевладельцев. Торговцы и ремесленники, гораздо менее смешные... придерживались присущего им торгашеского правила зашибать копейку при всяком удобном случае. Ни те, ни другие не думали и не предвидели той великой революции, которую постепенно совершало безумие одних и трудолюбие других [Смит, 2007, с. 412–413].

В начале XVII в. такой итог трудно было предвидеть. Если устои традиционного общества были скреплены многовековыми обычаями и растолкованы авторитетными мудрецами, то новый уклад формировался стихийно, и не было иного способа понять его логику, кроме как через пробы и ошибки повседневного опыта.

Нормы хозяйственного поведения в традиционном обществе обсуждались с античных времен в трактатах по управлению домашним хозяйством, или «ойкономии» («oeconomia», по-латыни). Такие сочинения, включая русский «Домострой», издавались и в последующие эпохи. В рамках именно этой традиции возник и термин «политическая экономия», обозначающий особый тип хозяйства: первоначально «хозяйство полиса»¹, а в известном сочинении Антуана де Монкретьена² – хозяйство государя³. Правда, специальное исследование истории этого термина показало, что нововведение Монкретьена не получило распространения, и «политическая экономия» вернулась в сферу публичного дискурса лишь в середине XVIII в. после статьи Жан-Жака Руссо *Discours sur l'économie politique* (Руссо, 1994), опубликованной в *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера. Тематически и она была выдержана в духе античной традиции [Tribe, 2015, p. 33, 44].

Однако новые реальности требовали осмысления, и в XVII–XVIII вв. возник большой корпус литературы, который отразил практики, порожденные рыночным укладом. В статье Руссо об этих работах нет и упоминания. Эта новая литература принадлежала иному дискурсу, сложившемуся параллельно с политико-экономическим. Терминологически это был дискурс о коммерции, или торговле,

¹ Выражение «политическая экономия» в смысле хозяйства античного полиса (в отличие от хозяйств монарха, сатрапа и частного владельца) встречается в «*Ойкономике*» псевдо-Аристотеля, который современные исследователи относят к III в. до н.э. [Таронян, 1969].

² Монкретьен отмечал, что «...вопреки мнению Аристотеля и Ксенофонта, можно определенно сказать, что экономии нельзя разделить [на частную и общественную] без разрушения целого... [Я] не могу не удивляться тому, что... они забыли об этом общественном [public] хозяйстве, к которому нужды и обязанности государства обязывают относиться с большим вниманием» [Montchrestien, 1889, p. 31–32].

³ В Новое время термин “l'économie politique” использовался и до Монкретьена, в частности, в работе «*Аристократическая монархия*» Луи де Майерна-Турке, вышедшей в 1611 г. (см.: [King, 1948, p. 230]). Монкретьен оказался первым, кто вынес его в название трактата. Правда, возникло это название лишь по случаю его посвящения королевской чете, в самом его тексте слов «политическая экономия» не было (см.: [Barthas, 2011; Tribe, 2015, p. 32]). Первоначально название было другим: «*Traité économique du trafic*», или «*Трактат по экономике торговли*» (буквально: «*товародвижения*»), а по содержанию трактат был ближе к новому дискурсу о коммерции, чем к античной «ойкономии».

а в историю экономической мысли он вошел под рубрикой меркантилизма. Популярными в этой среде названия типа «*Discourse of Trade*» или «*Essays on Commerce*» не должны вводить в заблуждение: как правило, речь шла отнюдь не о торговле в узком смысле слова. Авторы интересовали и производство товаров, и занятость населения, и проблема бедности, не говоря уже о транспорте, финансах и денежном обращении. Иными словами, это были общеэкономические работы, которые от прежнего канона отличались тем, что их предметом было хозяйство, основанное на товарно-денежных отношениях.

Наука: обновление метода

Под научной революцией Нового времени принято понимать трансформацию содержания научных знаний и способов деятельности ученых, которая происходила в Европе, начиная с XVII в.⁴ Открытия и изобретения ученых способствовали росту престижа науки в обществе. Покровительство ученым стало престижным занятием для многих монархов и крупных коммерсантов [Phillips, 2016, p. 227], что, в свою очередь, позволило многим ученым освободиться от опеки церковной бюрократии.

Не удивительно, что первым и объединяющим принципом научной революции Нового времени стал отказ от практики схоластов аргументировать выводы путем ссылок на авторитетные мнения [Dear, 1985] и размежевание с главным авторитетом схоластов – «христианизированным Аристотелем» [Койре, 1985, с. 63]⁵. «Nullius in verba» (Ничего со слов) было начертано на гербе Лондонского королевского общества. Императивом науки Нового времени стала достоверность знания. На первый план выдвинулся вопрос о научном методе как ее гаранте. Однако общность устремлений отнюдь не означала единства взглядов на то, какой именно должна стать наука. Историография научной революции различает, как минимум, три основные версии «новой» науки: картезианскую, бэконскую и ньютоновскую.

⁴ Проблемы историографии научной революции выходят далеко за пределы обсуждаемой здесь темы (см., напр.: [Schuster, 1989; Cohen, 2011]). В данном контексте не столь важны факторы и темпы перемен, сколько их логика и результат – качественные преобразования в науке в данный период.

⁵ Как признавал английский клерикальный философ XIX в. Уильям Хьюэлл, «это была именно схоластическая система, комбинация философии с теологией, чей авторитет был поставлен под вопрос. Воплощением же ее следует считать Аристотеля в том виде, как его образ навязывали Учителя церкви. Когда от людей требовали подчинить ум канонам этой системы, естественная любовь к свободе в груди человека и спекулятивные тенденции его интеллекта возвышались, порой, до протеста против правящего притеснения» [Whewell, 1847, p. 156].

Эта классификация нередко воспринималась, однако, в духе известной бэконовской притчи, противопоставившей паука – «чистого теоретика» и муравья – «чистого собирателя фактов», что существенно искажало реальную картину. Лидеры научной революции XVII в. не были эпистемологическими радикалами. Декарт не отрицал важную роль опыта в познании⁶, а Бэкон, как явствует из его притчи, отверг не только метод паука-теоретика, но и метод муравья-эмпирика, отдав предпочтение методу пчелы, избирающей «средний способ» между ними [Бэкон, 1978, с. 56]. Разногласия между картезианцами и бэконцианцами были спорами среди союзников в борьбе за новую науку. Так, Лондонское Королевское общество, лидеры которого не скрывали своей приверженности идеям Бэкона, имело в своих рядах людей разных взглядов, в том числе картезианцев⁷.

В своей известной статье Т. Кун [Kuhn, 1976] разграничил два кластера: классическую, или математическую науку, с одной стороны, и экспериментальную, или бэконцианскую – с другой. Первый кластер, включавший математику, астрономию, статическую механику, оптику и гармонику, в условиях научной революции хотя и претерпел существенную трансформацию (открытия Кеплера и Галилея, разработка дифференциального и интегрального исчисления и т.п.), но развивался в рамках традиции, сложившейся еще в античную эпоху [Kuhn, 1976, р. 5–8]. Опытнo-экспериментальное начало в этой традиции присутствовало, но так и не обрело ведущей роли с подъемом бэконцианства [Ibid., р. 10, 13–14].

Главное, что принесла – согласно Куну – научная революция, было формирование второго кластера: эмпирической науки нового типа, вовлекшей в свою орбиту многие новые научные области (такие, как магнетизм, электричество, тепловые явления), в которых прежде работали лишь ремесленники [Ibid., р. 15]. Отличительной

⁶ «Что касается опытов, то... они тем более необходимы, – отмечал Декарт, – чем далее мы продвигаемся в знании... [В] зависимости от больших или меньших возможностей производить опыты я буду быстрее или медленнее продвигаться в познании природы [Декарт, 1989, р. 287, 288].

⁷ Характерно, что при обсуждении Устава Королевского общества, радикальное предложение Р. Гука «не допускать на еженедельных собраниях Общества дебатов, касающихся гипотез или философских принципов... без специального решения Общества или разрешения его Президента» [Hall, 1976, р. 61], было отвергнуто. Принята была менее обязывающая формулировка соответствующего пункта: «На своих регулярных собраниях Общество занимается упорядочением, рассмотрением и обсуждением философских экспериментов и наблюдений; чтением, заслушиванием и обсуждением писем, докладов и других материалов на философские темы...» [Weld, 1848, р. 526–527]. Этот эпизод получил, к сожалению, неточное освещение в ряде отечественных изданий, где проект Устава Королевского общества, подготовленный Гуком, был назван самим Уставом (см., напр.: [Кузнецова, 2012, с. 373]).

особенностью этих бэконских наук была опора на эксперименты, которые предполагали создание таких условий для изучения природных явлений, которые без вмешательства человека были невозможны. Сам Бэкон называл такой подход «кручением львиного хвоста» [Kuhn, 1976, p. 12]. Кун считал, что математическая и экспериментальная науки мало пересекались одна с другой, но признал, что Ньютон был исключением из этого правила, так как внес вклад в обе научные традиции. Последнее, впрочем, не означало их синтеза, но лишь наличие двух линий влияния на науку: одной – основанной на «Началах» Ньютона, другой – на его «Оптике» [Ibid., p. 16–18].

Влиятельность альтернативных методологических установок не только различалась по дисциплинам, но и менялась во времени. Первая работа, призывавшая к коренному преобразованию науки – «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона – была опубликована в 1620 г., но не получила заметного отклика вплоть до 1640-х гг. (см.: [Purver, 2009, p. 63–65; Lynch, 2002, p. 12–14]). Ситуация начала меняться с распространением идей Декарта. К середине столетия именно картезианская рационалистическая научная программа стала самой влиятельной альтернативой как средневековой схоластике, так и популярным в то время концепциям герметизма (См.: [Rattansi, 1968])⁸. «Декарт, – отмечает П.П. Гайденко, – был одним из тех, кто создавал в XVII в. новое понятие науки, – науки, которую без преувеличения можно назвать *универсальной механикой* и под знаком которой жил не только XVII век, но и добрая часть XVIII столетия» [Гайденко, 1987, с. 197].

В Англии распространение картезианства вызвало ответную реакцию. В 1640-е гг. в Англии возникло несколько пересекающихся просветительских и научных сообществ, лидеры которых, хотя и принимали многие постулаты картезианства, но отвергали его методологическую доктрину в пользу принципов индуктивной и экспериментальной науки Бэкона. После реставрации в Англии монархии в 1660 г. сторонники этих идей получили поддержку со стороны нового короля, что нашло выражение в учреждении в 1660–1662 гг. *Лондонского Королевского общества по совершенствованию естествознания*, обозначив новый этап в развертывании научной революции [Lynch, 2002, p. 15–19].

Следуя заветам Бэкона, *Общество* провозгласило своей целью культивировать «плодотворную», т.е. полезную науку, объединив в своих рядах не только ученых-естествоиспытателей, но и так называемых «виртуозов» – собирателей данных о необычных природных явлениях, экзотических экспонатов, а также изобретателей и экспериментаторов-любителей, преимущественно из числа аристократов

⁸ «Натурфилософия Декарта и его оппонента Гассенди, на волне недовольства аристократизмом, стала доминировать над всеми альтернативами к 1660 году. Их происхождение оказалось недолгим, но оно было решающим» [Des Chene, 2006, p. 75].

и придворных, имевших досуг для наблюдений или изобретения новых технологий и механизмов [Hunter, 1976, p. 34–35].

Однако до победы «новой науки» было еще далеко. В университетах по-прежнему преобладал дух христианизированного аристотелизма⁹, а над чудаковатыми учеными насмеялись современные сатирики.

Перелом в судьбе научной революции наступил только в XVIII в., во многом благодаря успеху главного сочинения Исаака Ньютона – «*Математических начал натуральной философии*». Риторика Ньютона не противоречила исходной бэкониянской идеологии Королевского общества: он еще в начале 1680-х гг. отказался от картезианской физики, построенной вокруг «теории вихрей» [Anstey, 2005, p. 203] и неизменно подчеркивал свою приверженность принципам экспериментальной науки. Именно в период своего президентства Ньютон сформулировал знаменитый девиз «Гипотез не измышляю!». Однако в своей исследовательской практике он далеко не всегда следовал принципам, которые провозглашал: в его работах находилось место и для гипотез, и для априорных постулатов [Гайденко, 1987, с. 248–251; Domski, 2012, p. 365]. Так что, став в роли президента Королевского общества формальным главой бэкониянства, Ньютон как ученый своим примером утверждал иную научную программу, отличную и от установок Бэкона, и от линии первых идеологов Королевского общества¹⁰. Но с ростом популярности Ньютона его «экспериментальная философия» стала пониматься расширительно, вобрав в себя различные версии «новой» науки.

Во Франции ситуация развивалась иначе, что было обусловлено влиятельностью картезианства. К концу XVII в. усилиями учеников Декарта во главе с Мальбраншем влияние картезианства на общественное мнение и научную мысль обрело новую силу, а его сторонники надолго заняли ключевые позиции в Парижской академии наук [Shank, 2008, p. 464]. На этом фоне рецепция Ньютона во Франции прошла несколько этапов.

⁹ Так, в 1668 г. вице-ректор Кембриджского университета запретил своим декретом обсуждение картезианской философии, подтвердив, что их основой должна быть исключительно философия Аристотеля (См.: [Henry, 2013, p. 137]).

¹⁰ В самом Королевском обществе, с уходом в конце XVII и начале XVIII вв. Бойля и Гука, главных энтузиастов факто-ориентированной экспериментальной науки, наметилась смена приоритетов в пользу чистой науки и падение интереса к техническому изобретательству и прикладному знанию [Espinasse, 2011, pp. 348–352, 364–368]. Общей тенденцией было подстраивание понятия экспериментальной науки под образец ньютоновской математизированной физики при одновременном оттеснении другого ключевого компонента бэконовской программы – естественной истории – в сторону описательно-классификационного знания (См: [Anstey, 2014, p. 124]).

Первое издание «Начал» Ньютона получило в Париже весьма благожелательный прием, но расценивалось как математическая работа, не противоречащая картезианской математике. Физические же концепции Ньютона, не совместимые с учением Декарта, были отвергнуты как не заслуживающие особого внимания [Shank, 2008, p. 55–65].

Выход в свет «Оптики» в 1704 и второго издания «Начал» в 1713 гг., в которых Ньютон настаивал на своих физических концепциях, прямо противопоставляя их картезианским, стимулировал появление группы французских ньютонианцев во главе с Пьером Мопертюи¹¹. Включившийся в кампанию по поддержке ньютоновской модели науки Вольтер назвал философию Декарта «увлекательным романом, самое большое правдоподобным для невежд» [Вольтер, 1988, с. 134]. Адресованное широкой читающей публике, выступление Вольтера способствовало распространению ньютонианских идей, которые, в свою очередь, стали составной частью идеологии французского Просвещения и нашли отражение во многих статьях знаменитой Энциклопедии Дидро и д'Аламбера.

Впрочем, большинство философов-просветителей не были членами Парижской академии, составляя отдельное интеллектуальное сообщество. «Энциклопедисты вышли из иной [чем «академики»] научной среды провинциальных академий, и хотя почти все жили в Париже, их научная жизнь протекала вне Королевской Академии – в лекционных залах для публики, читальнях, салонах, кафе и других местах обитания неофициального и публичного фермента науки, который множился и распространял свое влияние весь восемнадцатый век» [Shank, 2014, p. 69]. Такое положение сложилось не случайно¹². Согласно Козну, оно отразило стремление правительства Людовика XIV воспользоваться плодами утилитарной науки, но не дать

¹¹ Мопертюи инициировал эмпирическую проверку конкурирующих теорий в отношении формы земного шара, который, по образному выражению Вольтера, в Париже (т.е. картезианцами) представлялся «в форме дыни», а в Лондоне (т.е. по Ньютону) – «сплюснутым с двух концов» [Вольтер, 1988, с. 130]. Геодезические экспедиции в 1730-е гг. в Лапландию и Южную Америку подтвердили правоту Ньютона, что способствовало росту влияния его сторонников в Парижской академии.

¹² В отличие от Лондонского Королевского общества, Парижская академия наук с самого начала была государственным учреждением. Если Королевское общество было обязано королю лишь своим названием, отразившим моральную поддержку, и самостоятельным юридическим статусом, то французские академики – на зависть английским коллегам [Hunter and Wood, 1986, p. 62] – получили нечто более материальное, а именно государственное финансирование. Но государство определило и «правила игры»: сфера деятельности Академии была ограничена математикой и естественно-научными дисциплинами. Философы и гуманитарии в нее не попали.

развиться «кошунственным тенденциям», которые оно усматривало в картезианской догматике. Такая политика имела «непреднамеренный долгосрочный эффект: освобождающая от предрассудков мысль стала развиваться независимо от властей и все более им противостояла. Со временем и сама новая наука стала восприниматься в контексте выросшей из нее просвещенческой идеологии “философов” XVIII века» [Cohen, 2011, p. 588].

В результате к середине XVIII в. под эгидой ньютонианства во Франции, как и в Англии, сложилось несколько гибридных его модификаций: картезианская, лейбницианская¹³, бэкониянская, среди которых самой влиятельной была первая – картезианское ньютонианство. Его выразителем выступил Жан д’Аламбер, одновременно академик и энциклопедист, ключевая фигура французского Просвещения [Shank, 2008, p. 470]. В своей вводной статье к первому тому *Энциклопедии* «он отчетливо показал, как за три десятилетия образовался французский ньютонианский сплав картезианской математизации и скептического английского эмпиризма, и одновременно прославлял научную эпистемологию математической школы Парижской академии» [Ibid, p. 497]. Характерно, что, признав физику и метафизику Декарта устаревшими, его методологию д’Аламбер оценил иначе, отметив, что «один только его метод был бы достаточен, чтобы его обессмертить» [д’Аламбер, 1994, с. 104].

Социальная философия: переосмысление общества

Социально-экономическая трансформация западноевропейских обществ и научная революция не могли не сказаться на представлениях об обществе и месте в нем человека.

В протестантской Европе связующим звеном между схоластической традицией и социальной философией Нового времени была школа нового естественного права, которая, по выражению Шумпетера, стала для общественных наук «открытием себя», сформировав «представление о наборе взаимосвязанных явлений как оснований для постановки “проблем”» [Шумпетер, 2001, с. 136].

Основоположником этого течения считается голландский правовед Гуго Гроций, но решающий шаг, отделивший эту школу «светских схоластов» (еще один термин Шумпетера) от средневековых предшественников, – заслуга Томаса Гоббса [Bobbio, 1993, pp. 150–54].

¹³ Философия Лейбница оказала влияние на эволюцию взглядов Мопертюи – пионера французского ньютонианства [Shank, 2008, p. 431], позже, по приглашению короля Карла Великого, работавшего в Германии во главе Берлинской академии.

Вдохновленный примерами Коперника, Галилея и Гарвея, Гоббс надеялся применить их метод в политической (civil) философии (см.: [Гоббс, 1989, р. 67–68]). Приняв предпосылку примерного равенства индивидуальных способностей людей, включая умственные, Гоббс вывел из этого универсальность человеческого разума, полагая, что поведение каждого разумного и свободного человека строится на одних и тех же принципах, или естественных законах – таких, как стремление к миру, взаимность в ограничении прав, справедливость, беспристрастие и т.п. Гоббс и, вслед за ним, в еще большей степени, Пуфендорф и Локк, интересовались и собственно экономическими вопросами: стоимостью благ, ценами, контрактами, денежным обращением и пр. Гоббса называли чуть ли не отцом политической экономии (см.: [Taylor, 2010, р. 429–430]), а Пуфендорфа – ее дедом (Sæther, 2017, pp. 268–270). Правда, сами экономисты высказывались на этот счет скептически. Даже Шумпетер, высоко оценивший значение этой традиции, пришел к выводу, что «философы естественного права стремились создать... всеобъемлющую теорию общества во всех его аспектах... в которой экономическая наука не была ни особо важным, ни самостоятельным элементом... [Их] экономическая теория по сути не содержит ничего нового по сравнению с теорией [позднего схоласта] Молины» [Шумпетер, 2001, с. 149, 155].

Католическая церковь в лице теологов-иезуитов, включая Луиса де Молину и других представителей Саламанкской школы в Испании (см.: [Афанасьев, 2004]), стремились адаптировать к реалиям рыночных отношений саму религиозную доктрину. Иной была реакция янсенистов – оппозиционного к официальному томизму течения в католицизме. Янсенизм сформировался в XVII в. и был уже продуктом Нового времени, во многом восприняв картезианскую механистическую картину мира. Описывая природный мир, в котором «каждая частица материи» находится под давлением других тел, один из его лидеров Пьер Николь утверждал, что «это и есть образ тех оков, которыми себялюбие каждого индивида ограничивает себялюбие других, не позволяя действовать вольно, следуя одним лишь желаниям» (Cited from: [Faccarello, 1999, p. 21]).

Моральная доктрина янсенизма отличалась ригористическим отношением к земному существованию человека: природа человека считалась порочной, а спасение – не зависящим от его дел. Однако следуя этой линии, янсенисты выделяли два вида морали, которые Дж. Вайнер назвал, соответственно, «субъективной» и «объективной», имея в виду, с одной стороны, субъективное отношение человека к тому, что он делает, и, с другой – оценку объективных последствий его действий [Viner, 1978, pp. 133–134]. В таком контексте греховности себялюбия как субъективного начала не влекла за собой греховность объективных результатов эгоистического поведения. Согласно толкованию янсениста Жана Домá, то, что греховность людей не мешает им жить

в обществе – это ничто иное, как проявление божественной мудрости. За столетие до Адама Смита, Пьер Николь выражал ту же мысль с помощью ставшей впоследствии знаменитой метафоры «невидимой руки». Имея в виду бога, он писал: «Выбирает ли Он, чтобы мы жили привычным образом, или выбирает необычный чудодейственный путь, это всегда Он, кто действует и поддерживает нас. И нам надлежит узнавать Его руку и Его всемогущее деяние независимо от того, скрывает Он [свои действия] или делает их явными» (Cited from: [Faccarello, 1999, p. 33]).

Несмотря на гонения со стороны папского престола и королевских властей, янсенисты оказали значительное влияние на французскую интеллектуальную элиту эпохи Просвещения, включая ту ее часть, которая обеспечила подъем французской экономической мысли. Впрочем, по выражению Вайнера, «для восприятия янсенистской доктрины Просвещению потребовалось немногим больше, чем проигнорировать ее субъективную мораль» [Viner, 1978, p. 140].

Объяснение социальных явлений на основе поведения индивидов, преследующих свои частные интересы, предпосылки равенства способностей людей и их равноправия перед законом, локковская «теория собственности», разграничение субъективных намерений и объективных результатов индивидуального поведения – все это оказало существенное влияние на развитие обществознания в целом и экономической мысли в частности.

Экономическая мысль: стремление к научности

Влияние общенаучной среды на трансформацию экономического знания обычно рассматривается лишь в аспекте общих тенденций развития науки, без учета неоднородности этой среды. Так, М. Фуко в «Словах и вещах» связывал становление экономической науки с «замещением аналогизирующей иерархии анализом», характерным для классической эпистемы¹⁴, которая утвердилась с переходом от эпохи Возрождения к Новому времени [Фуко, 1977, с. 104]. Речь шла о переходе от познания через аналогии (напр., представление общества как «политического тела», по аналогии с телом физическим) к познанию через внутреннее упорядочивание объекта с помощью таксономий, наглядных схем-таблиц, или путем его математического представления и анализа. Типичным выражением клас-

¹⁴ Под «эпистемами» Фуко понимал совокупности познавательных практик, характерные для отдельных исторических эпох и качественно отличающихся одна от другой.

сической эпистемы была, по Фуко, «Экономическая таблица» Кенэ как новая форма представления знания. Классическая политическая экономия Смита и Рикардо попала, по схеме Фуко, уже в следующую эпистему, в рамках которой был достигнут более глубокий уровень познания – анализ «взаимозависимости экономических детерминаций» [Фуко, 1977, с. 335].

В историографической концепции Ф. Миrowsкого [Mirowski, 1989] «Таблица» Кенэ также занимает центральное место, но рассматривается в другом аспекте: не со стороны *метода*, как у Фуко, а в контексте *онтологических* предпосылок теории. Согласно Миrowsкому, определяющим для формирования экономической науки было влияние естествознания эпохи научной революции, которое строилось вокруг понятия измеримой субстанции, функционирующей по законам сохранения. У меркантилистов материальной субстанцией экономики выступало национальное богатство, поддержание которого обеспечивалось торговым балансом. Эту идею Миrowsкий считал первой версией принципа сохранения в экономической теории [Ibid., p. 148]. В «Таблице» Кенэ субстантивистский подход получил зрелую форму, которая «полностью импортировала в политическую экономию картезианскую концепцию науки» [Ibid., p. 154]. В роли субстанции здесь выступал общественный продукт, а его кругооборот был представлен физическим процессом производства, распределения и потребления зерна, что сводило «естественный закон общества к физическому закону» [Ibid., p. 158]. В отличие от Фуко, Миrowsкий не противопоставлял физиократов и британских классиков, полагая, что, при всех различиях, теории Кенэ, Смита, Рикардо и Маркса – это «единый класс стоимостных теорий... соответствующий особой и целостной концепции науки» [Ibid., p. 143]. Объединяющее начало таких теорий он усматривал в картезианстве, пусть, порой, и «разбавленном»¹⁵.

На фоне этих линейных концепций выделяется подход Карла Прибрама [Pribram, 1983], который разделил первые теоретико-экономические школы по их ориентации на научные программы. Размежевание бэконинской и картезианской программ, уходящее корнями в схоластическую литературу с ее спорами между реалистами во главе с Фомой

¹⁵ «Смит, – иронизировал Миrowsкий, – состряпал ослабленную физиократию, сваренную в разбавленном картезианском бульоне... и придал ей вид космологии, приправленной ранней эпикурейской физикой и поданной в огромном блюде, обложенном отступлениями из всего, начиная с абзаца о том, почему собаки не разговаривают, и заканчивая приложением о премиях на вылов сельди» [Mirowski, 1989, p. 165]. Взгляд на Смита сквозь призму физиократии имеет, впрочем, давнюю историю. Еще в начале XIX в. поклонник и первый биограф Смита Дагалд Стюарт признавал, что физиократы превосходили Смита в «точности и определенности языка», «аккуратности метафизического анализа», а «некоторые их фундаментальные принципы имели более научный характер и более широкую сферу применения» (цит. по: [Collini, 1983, p. 50]).

Аквинским и номиналистами, сторонниками Оккама, проявилось, согласно Прибраму, в специфике национальных школ экономической мысли. Английских авторов, таких как Петти, Чайльд, Локк, Норт, Дэвенант, а также шотландец Джон Ло, Прибрам отнес к «бэконским меркантилистам», отдельно выделив примыкающую к ним группу «утонченных меркантилистов»: Кантильона, Такера и Джеймса Стюарта. Французскую школу физиократов он однозначно связал с картезианством, а еще один вариант меркантилистской мысли – немецко-австрийский камерализм – с научной программой Лейбница и его ученика Х. Вольфа [Pribram, 1983, pp. 55–93].

Обращение Прибрама к самому факту влияния соперничающих эпистемологических установок – важный шаг к осознанию неадекватности линейных схем формирования экономической науки. Однако в действительности общенаучная среда была еще более многообразной и динамичной. «Республика ученых» объединяла научное сообщество, независимо от национальных границ (см.: [Groenewegen, 1987]): француз Жан-Батист Дюбо продвигал идеи англичан Петти и Локка [Coleman, 1995, pp. 36–40]; англичанин Дадли Норт заявлял о приверженности методу французского Декарта; шотландец Джеймс Стюарт обобщал опыт немецких и итальянских камералистов.

Результатом интеллектуального брожения второй половины XVII и первой половины XVIII в. стал целый спектр вариантов построения научного экономического знания – проектов новой науки. Все проекты сочетали в себе как рационалистическое, так и эмпирическое начало, но при различном их соотношении. В более ранних проектах заметно влияние идеала экспериментальной науки в духе Бэкона, тогда как в проектах XVIII в. преобладает рационализм в духе Декарта или «Принципов» Ньютона. В одном из поздних проектов на первый план снова вышел опыт, но теперь уже как попытка учесть специфику социального познания в условиях господства естественно-научного канона.

Общим, что объединяло эти и другие попытки, было стремление применить принципы революционизированной науки для осмысления становящейся реальности рыночной экономики и индивидуализированного общества. Рождение экономики как науки – это не просто эпизод в истории одной из научных дисциплин. Это была первая попытка распространения просвещенческого идеала науки за пределы естествознания, его адаптации к изучению человеческого общества, и, следовательно, эмансипации социальной мысли от оков теологии и предрассудков обыденного сознания. Содержательное обсуждение своеобразного конкурса проектов, составившего содержание этого процесса, – тема отдельной статьи.

Список литературы

- Аллен, 2014 – Аллен, Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Пер. с англ. Н.В. Автономовой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 442 с.
- Афанасьев, 2004 – Афанасьев А.А. Экономическая мысль в Испании XVI в. – Саламанкская школа // Экономика и математические методы. 2004 (40). № 4. С. 26–57.
- Бэкон, 1978 – Бэкон Ф. Новый Органон / Пер. с лат. С. Красильщикова / Ф. Бэкон. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 5–300.
- Вольтер, 1988 – Вольтер Ф.М. Философские письма / Пер. с фр. С.Я. Штейнман-Топштейн // Вольтер Ф.М. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 70–226.
- Гайденко, 1987 – Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1987. 447 с.
- Гоббс, 1991 – Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545.
- Д’Аламбер, 1994 – Д’Аламбер Ж.Л. Предварительное рассуждение издатель / Пер. с фр. И.А. Шапиро / Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 55–121.
- Декарт, 1989 – Декарт Р. Рассуждение о методе / Пер. с фр. Г.Г. Слюсарева // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
- Койре, 1985 – Койре А. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии / Пер. с фр. Я.А. Ляткера // Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. С. 51–73.
- Кузнецова, 2012 – Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования – наука. М.: Новый Хронограф, 2012. 558 с.
- Маркс, 1959 – Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1–167.
- Мэдисон, 2012 – Мэдисон Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории // Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 582 с.
- Руссо, 1994 – Руссо Ж-Ж. Политическая экономия (мораль и политика) / Пер. с фр. В.С. Алексеева-Попова, Ю.М. Лотмана и др. // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 441–476.
- Смит, 2007 – Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 957 с.
- Фуко, 1977 – Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 487 с.
- Шумпетер, 2001 – Шумпетер Й.А. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001. 1664 с.
- Таронян, 1969 – Аристотель. Экономика / Пер. Г.А. Тароняна // Вестник древней истории. 1969. № 3. С. 217–242.

References

Afanasiev, A.A. Ekonomicheskaya mysl' v Ispanii XVI v. Salamantskaya shkola [Economic Thought in Spain of the XVI Century. The School of Salamanca], *Ekonomika i matematicheskie metody*, 2004 (40), no. 4, pp. 26–57. (In Russian)

Allen, 2014 – Allen, R.C. *Britanskaya promyshlennaya revolyutsiya v global'noi kartine mira* [The British Industrial Revolution in Global Perspective], trans. by N.V. Avtonomova. Moscow: Gaidar Institute publ., 2014, 442 pp. (In Russian).

Anstey, 2005 – Anstey, P.R. “Experimental versus Speculative Natural Philosophy”, in: *Science of Nature in the Seventeenth Century. Patterns of Change in Early Modern Natural Philosophy*, ed. by P.R. Anstey and J.A. Schuster. Springer, 2005, pp. 215–242.

Anstey, 2014 – Anstey, P.R. “Philosophy of Experiment in Early Modern England: The Case of Bacon, Boyle and Hooke”, *Early Science and Medicine*, 2014, (19), no. 2, pp. 103–132.

Bacon, F. “Novyi organon” [Novum Organum], trans. by S. Krasilshchikov, in: Bacon, F. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in 2 Vols], Vol. 2. Moscow: Mysl', 1978, pp. 5–300. (Trans. into Russian)

Barthas, 2017 – Barthas, J. “Le *Traicté de l'æconomie politique* est-il un anti-Machiavel? Note philologique, historiographique et critique”, in: *Montchrestien et Cantillon. Le commerce et l'émergence d'une pensée économique*, ed. by A. Guery. Lyon: ENS Éditions, 2011. OpenEdition Books, 2017, DOI: 10.4000/books.enseditions.4863.

Bobbio, 1993 – Bobbio, N. *Thomas Hobbes and the Natural Law Tradition*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1993, 246 pp.

Cohen, 2011 – Cohen, H.F. *How Modern Science Came into the World: Four Civilizations, One 17th-Century Breakthrough*, Amsterdam University Press, 2011, 832 pp.

Coleman, 1995 – Coleman, W.O. *Rationalism and Anti-rationalism in the Origins of Economics. The Philosophical Roots of 18th Century Economic Thought*. Aldershot: Edward Elgar, 1995, 177 pp.

Collini et al., 1983 – Collini, S., Winch, D. and J. Burrow. *That Noble Science of Politics. A Study in Nineteenth-century Intellectual History*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983, 385 pp.

D'Alembert, J.L.R. “Predvaritel'noe rassuzhdenie izdatelei” [Discours Préliminaire des Éditeurs], trans. by I.A. Shapiro, in: *Filosofiya v «Encyclopedii» Diderot i D'Alamberta* [Philosophy in the ‘Encyclopedia’ of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka, 1994, pp. 55–121. (Trans. into Russian)

Dear, 1985 – Dear, P. “Totius in Verba: Rhetoric and Authority in the Early Royal Society,” *Isis*, 1985, vol. 76, no. 2, pp. 144–161.

Descartes, R. “Rassuzhdenie o metode” [Le Discours de la méthode], trans. by G.G. Sliusarev, in: Descartes, R. *Soch.:* v 2 t. T. 1. [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1989, pp. 250–296. (In Russian).

Des Chene, 2006 – Des Chene, D. “From Natural Philosophy to Natural Science,” in: D. Rutherford (ed.) *The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2006, pp. 66–94.

Domski, 2012 – Domski, M. “Introduction: Newton and Newtonianism”, *The Southern Journal of Philosophy*, 2012 (50), no. 3, pp. 363–369.

’Espinasse, M. “The Decline and Fall of Restoration Science”, in: C. Webster (ed.) *The Intellectual Revolution of the Seventeenth Century*. London and New York: Routledge, 2011, pp. 347–368.

Faccarello, 1999 – Faccarello, G. *The Foundations of ‘laissez-faire’: The Economics of Pierre de Boisguilbert*. London: Routledge, 1999, 208 pp.

Foucault, M. *Slova i veshchi* [The Order of Things], trans. by N.V. Avtonomova. Moscow: Progress, 1977, 487 pp. (Trans. into Russian)

Gaidenko, P.P. *Evolutsiya pon’atiya nauki (XVII–XVIII veka)* [Evolution of the Notion of Science (XVII–XVIII Centuries)]. Moscow: Nauka, 1987, 447 pp. (In Russian)

Groenewegen, 1987 – Groenewegen, P. “The International Foundations of Classical Political Economy in the Eighteenth Century: An Alternative Perspective”, in: S.T. Lowry (ed.) *Pre-Classical Economic Thought. From the Greeks to the Scottish Enlightenment*. Boston etc.: Kluwer Academic Publishers, 1987, pp. 211–220.

Hall, 1976 – Hall, M.B. “Science in the Early Royal Society”, in: Crosland, M., ed. *The Emergence of Science in Western Europe*. New York: Macmillan, 1976, pp. 57–77.

Henry, 2013 – Henry, J. “The Reception of Cartesianism”, in: P.R. Anstey (ed.) *The Oxford Handbook of British Philosophy in the Seventeenth Century*. Oxford University Press, 2013, pp. 116–143.

Hobbes, Th. *Sochineniya: v 2 t. T. 2.* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1991, pp. 3–545. (Trans. into Russian)

Hunter, 1976 – Hunter, M. “The Social Basis and Changing Fortunes of an Early Scientific Institution: An Analysis of the Membership of the Royal Society, 1660–1685”, *Notes and Records of the Royal Society of London*, 1976 (31), no. 1, pp. 9–114.

Hunter and Wood, 1986 – Hunter, M. and Wood, P.B. “Towards Solomon’s House: Rival Strategies for Reforming the Early Royal Society”, *History of Science*, 1986, vol. 24, pp. 49–108. <http://adsabs.harvard.edu/full/1986HisSc..24...49H>, accessed 02.02.2023].

King, 1948 – King, J.E. “The Origin of the Term ‘Political Economy’”, *The Journal of Modern History*, 1948, vol. 20, no. 3, pp. 230–231.

Koyré, A. *Aristotelism i platonism v srednevekovoi filosofii* [Aristotélisme et platonisme dans la philosophie du Moyen Age], trans. by Y.A. Liatker, in: Koyré, A. *Ocherki istorii filosofskoi mysli* [Essays on the History of Philosophy]. Moscow: Progress, 1985, pp. 51–73. (Trans. into Russian)

Kuhn, 1976 – Kuhn, Th.S. “Mathematical vs. Experimental Traditions in the Development of Physical Science,” *The Journal of Interdisciplinary History*, 1976, vol. 7, no. 1, pp. 1–31.

Kuznetsova, N.I., Rozov, M.A., Shreider, Y.A. *Ob’ekt issledovaniya – nauka*. [The Object of Study is Science]. Moscow: Novyi Khronograf, 2012, 558 pp. (In Russian)

Lynch, 2002 – Lynch, W.T. *Solomon’s Child: Method in the Early Royal Society of London*, Stanford University Press, 2002, 312 pp.

Maddison, A. *Kontury mirovoi ekonomiki v 1–2030 gg.* [Contours of the World Economy, 1–2030 AD], trans. by Y. Kapturevsky. Moscow: Gaidar Institute publ., 2012, 582 pp. (Trans. into Russian)

Marx, K. “K kritike politicheskoi ekonomii” [A Contribution to the Critique of Political Economy], in: K. Marx, F. Engels. *Sochineniya* [Works], vol. 13, Moscow: Gospolitizdat, 1959, pp. 1–167. (Trans. into Russian)

Mirowski, 1989 – Mirowski, Ph. *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature’s Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, 450 pp.

Montchrétien, 1889 (1615) – Montchrétien, A. de. *Traicté de l’æconomie politique: dédié en 1615 au Roy et à la Reyne mère du Roy*. Paris, 1889 (1615), 398 pp. [<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k106383n/f153.image.r=Ils%20meconnaissent%20le%20principe>, accessed on: 02.03.2023].

Phillips, 2016 – Phillips, D. “Academies and societies”. in: Lightman, B. (ed.) *A Companion to the History of Science*, Wiley & Sons, 2016, pp. 224–237.

Pribram, 1983 – Pribram, K. *A History of Economic Reasoning*. Baltimore and London. The John Hopkins University Press, 1983. 764 p.

Purver, 2009 – Purver, M. *The Royal Society: Concept and Creation*. London: Routledge & Kegan Paul., 2009, 288 p.

Rattansi, 1968 – Rattansi, P.M. “The Intellectual origins of the Royal Society,” *Notes and Records of the Royal Society of London*, 1968, vol. 23, no. 2, pp. 129–143.

Rousseau, J.-J. *Politicheskaya ekonomiya (moral’ i politika)*. [Discours sur l’économie politique], trans. by V.S. Alexeeva-Popova, Y.M. Lotman, etc., in: *Filosofiya v “Encyclopedii” Diderot i D’Alamberta* [Philosophy in the ‘Encyclopedia’ of Diderot and d’Alembert]. Moscow: Nauka, 1994, pp. 441–476. (Trans. into Russian)

Sæther, 2017 – Sæther, A. *Law and the Origin of Political Economy. Samuel Pufendorf and the History of Economics*. London and New York: Routledge, 2017, 296 pp.

Schumpeter, J.A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis]. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2001, 1664 pp. (Trans. into Russian)

Schuister, 1989 – Schuster, J.A. “The Scientific Revolution”, in: Olby, R.C. et al. (eds) *Companion to the History of Modern Science*. London and New York: Routledge, 1989, pp. 217–242.

Shank, 2008 – Shank, J.B. *The Newton Wars and the Beginning of the French Enlightenment*. Chicago: University of Chicago Press. 2008, 464 pp.

Shank, 2014 – Shank, J.B. “Science,” in: *The Cambridge Companion to the French Enlightenment*. Ed. by Daniel Brewer. Cambridge University Press, 2014, pp. 60–77.

Smith, A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Exmo, 2007, 957 pp. (Trans. into Russian)

Taronyan, G.A. “{Aristotel} Ekonomika” [{Aristotle} Oeconomica], trans. by G.A. Taronyan, *Vestnik drevnei istorii*, 1969, no. 3, pp. 217–242. (In Russian)

Taylor, 2010 – Taylor, Q. “Thomas Hobbes, Political Economist: His Changing Historical Fortunes”, *The Independent Review*, 2010, vol. 14, no. 3, pp. 415–433.

Tribe, 2015 – Tribe, K. *The Economy of the Word: Language, History, and Economics*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 352 pp.

Viner, 1978 – Viner, J. “Religious Thought and Economic Society: Four Chapters of an Unfinished Work”, *History of Political Economy*, 1978, vol. 10, no. 1, pp. 1–189.

Voltaire, F.M. “Filosofskie pis'ma” [Lettres philosophiques], trans. by S.Y. Shteynman-Topshtein in: Voltaire, F.M. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical Writings]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 70–226. (Trans. into Russian)

Weld, 1848 – Weld, Ch.R. *A History of the Royal Society, with Memoirs of the Presidents*. Vol. II. London: John Parker, 1848, 621 pp.

Whewell, 1847 – Whewell, W. *The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History*, vol. 2. London: John W. Parker, 1847, 679 pp.